

вестные под именем науки, философии (или в соответствующих случаях религии), искусства и, наконец, практической деятельности или поведения» (Там же. С. 104). Изучение отношений между ними позволило де Роберти создать теорию «четырех факторов цивилизации», раскрывающую механизм функционирования социальной жизни, а в совокупности с биосоциальной теорией представляющую «единый эволюционный ряд, состоящий из семи отвлеченных и общих категорий, между которыми распределяются все общественные факты без малейшего исключения, и включающий: психологическое взаимодействие, общественные группы, личность, науку, философию, искусство, практическую деятельность» (Там же. С. 124). Как видим, четыре последних и определяют «генетическую цепь» эволюционного развития человечества, в котором практическая деятельность является производной от духовной, познавательной деятельности. Именно умственный прогресс, по мнению русского философа, является причиной социальной эволюции. Эти четыре фактора лежат в основе классификации де Роберти социальных факторов и их развития: знание как функция коллективного опыта > философия как функция знания > искусство как функция философии > практическая деятельность как сложная функция искусства, философии, на-

уки. Таким образом, переход от жизни индивида к общественной жизни совершается превращением опыта индивидуального в коллективный, который постоянно усложняясь, побеждает пространство и время.

В работах последних лет де Роберти связывает эволюцию с процессом нарастающего освоения человечеством различных энергий, их преобразованием.

Выдающиеся философы и социологи XIX – XX вв. Барт, Гумплович, де Грееф, Кареев, Ковалевский, Тард, Фулье высоко оценивали вклад де Роберти в развитие философии и социологии. Его ближайший друг и соратник М.М. Ковалевский в некрологе де Роберти писал: «Тропа, им проложенная в области философии, этики и социологии, — принадлежит к числу тех, по которым пойдет еще ряд поколений из среды мыслителей, отказавшихся строить эти науки на априорных началах» (Ковалевский М.М. Е.В. де Роберти // Вестник Европы. 1915. Н. 15. С. 423).

¹ Свидетельство о жизни и творчестве Е.В. де Роберти разбросаны по многочисленным статьям и воспоминаниям. Фактографический материал для его интеллектуальной биографии нами в большей части взят из единственной монографии, посвященной ему — Verrier R. Roberty. Le positivisme russe et la fondation de La positivisme. Paris, 1934.

ФРИДРИХ НИЦШЕ: ОДИНОКИЙ СТРАННИК ДОПОЛУДЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

А.С. Гагарин

К экзистенции — с любовью.

...Пожалуй, если задаться целью одним словом, понятием, экзистенциалом, определить своеобразие концепции и творческого почерка Фридриха Ницше (1844—1900 гг.), самого загадочного и непризнанного (и, прежде всего, близкими, в недавнем прошлом — друзьями) — при жизни, скандально популярного и непонятого до конца — после смерти, и по сей день вызывающего интерес — немецкого мыслителя, поэтического философа и утонченно мудрого поэта, то таким словом окажется именно экзистенциал «одиночество». Этот экзистенциал (наряду со страхом и смертью) играет важную роль в формировании философско-жизненной концепции Ницше, выходя из-за маргинальных границ, куда их вытеснила и табуировала рационалистическая философия. Одиночество пронизало всю жизнь и творчество Ницше, придав им тот непревзойденный оттенок грусти и восторга, тоски и упоения, шемящей до боли радости уединенного обретения мудрости и горечи, укрытой за гордыми манифестами Одинокого Странника. Стефан Цвейг тонко подметил, говоря о книгах Ницше, что «обычно самые одинокие книги незаметно излучают магнетическую энергию воздействия: будто скрытая во мраке подземная

Гагарин Анатолий Станиславович — доктор философских наук, доцент Уральского государственного университета

сила расширяет ее пределы вокруг пока не замечаемого центра» (Цвейг С. Фридрих Ницше // Цвейг С. Борьба с демоном. М., 1992. С. 279.).

Произведения Ницше действуют поистине «репульсивно»: они оттесняют от автора все дружески расположенное и его самого вытесняют из современного ему мира. Каждая книга Ницше — это утрата друга, и затем очерчивание нового, более узкого круга, где воцаряется тишина... Каждая книга — это вознесение выше и выше, на горную вершину, откуда видно дальше и больше, но каждый глоток густой одинокой свободы пьянящ и горек...

Фридрих Ницше с горечью фиксировал контраст между внешними формами выражения культуры, творчества и внутренним миром мыслителя, художника, приводящий к ослаблению личности современного человека. Это состояние определялось им как процесс выветривания личностей, приводящий к полной без-субъективности. Поэтому «великий продуктивный ум», — под которым Ницше подразумевает, прежде всего, самого себя, — не может долго выдержать среди народа (имеется в виду немецкий народ), который сам не уверен в единстве своего внутреннего мира и распался на две половины: на образованных с искаженным и запутанным внутренним миром, и на необразованных с недоступным внутренним миром. Что остается этому продуктивному уму, если инстинкт народа больше ни идет ему навстречу? В предельно лаконичном и упругом как пружина стихотворении «Одинокий» Ницше перечисляет возможные самохарактеристики — введомый, водитель/ведущий, послушник, повелитель. Мыслитель-поэт отвергает их и обозначает привлекательные для самого себя ипостаси: зверь, ищущий укрытий; пустынный, блуждающий в себе; соблазнитель самого себя, манящий себя загадкой (Ницше Ф. Веселая наука // Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 505.). Безусловно, никто лучше не скажет о себе, тем более — о таком Одиноким Страннике, как сам Фридрих Ницше. Среди безоговорочных признаваемых немецким мыслителем преимуществ «даров свободных духов», уготованных Страннику — «горы, лес и одиночество», что и является подлинной родиной философов и странников, мечтающих о допослушенной философии (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: М. 1990. Т. 1. С. 488—489.).

Любимый, «квинтэссенциальный» герой Ницше Заратустра, авторитетно признанный Карлом-Густавом Юнгом как Alter Ego Ницше, высказывался еще более ригористично и определенно: «О, моя отчизна, одиночество! Слишком долго жил я на дикой чужбине и теперь со слезами возвращаюсь к тебе» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: М. 1990. Т. 2. С. 131—132). Заратустра различает покинутость и одиночество, по-

кинутость сопряжена с нерешимостью, унынием, покинутому человеку опаснее быть среди людей, чем среди зверей. Покинутый человек оказывается в толпе более покинутым, чем одиноким в одиночестве. Одиночество не избирается, оно предпослано, имманентно присуще человеку.

Одиночество — это дорога к самому себе. Этот путь есть уединение, дистанцирование от «стада», для которого всякое уединение — грех. Путь одинокого человека — это испытание «пустым странством» и «ледяным дыханием» одиночества, когда оживают чувства, грозящие убить одинокого человека, но сам человек должен найти в себе мужество стать их убийцей! На пути одиночества, дороге к самому себе, человек выступает для самого себя и еретиком, и колдуном, и прорицателем, и глупцом, и скептиком, и нечестивцем, и злодеем. И самый опасный враг на этом пути — это сам человек со своими (семью дьяволами). Одинокий человек идет путем созидателя (создавая Бога из своих семи дьяволов), любящего (самого себя и потому презирающего себя как презирающего только любящие), ведь в уединение одинокого приходит, «прихрамывая», и сама справедливость. В работе «Злая мудрость» (1882—1885) Ницше пишет: «Одиночество придает нам большую черствость по отношению к самим себе и большую ностальгию по людям: в обоих случаях оно улучшает характер» (Ницше Ф. Злая мудрость // Ницше Ф. Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 761.).

Ницше не приемлет высокомерное одиночество, поскольку оно бесплодно, а для Ницше идеалом является собственная «вечная беременность», обогащенность новыми замыслами, плодами творчества, ради которых он, собственно, и остается на этой земле... Недаром он порицает властолюбие, и призывает — устами Заратустры — к тому, «чтобы одинокая вершина уединялась не навеки и не довольствовалась сама собой; чтобы гора спустилась к долине и ветры вершины к низине» (Ницше Ф. Посмертные афоризмы // Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М., 1994. С. 3° 1. Там же.). Заратустра рисует перспективу для одинокого человека, призванную ободрить его и всех ему подобных — «Вы, сегодня еще одинокие, вы, живущие вдали, вы будете некогда народом: от вас, избравших самих себя, должен произойти народ избранный и от него — сверхчеловек» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: М, 1990. Т. 2. С. 56.).

Ницше автобиографически описывает эволюцию «юной души», в которой созревает и наливаются сладостью тип «свободного ума» — от болезни, великого разрыва с общепризнанными ценностями, болезненной уединенности, характерной для освобожденного человека, испытывающего первый

взрыв силы и воли к свободной воле (к самоопределению ценностей) — к зрелой свободе духа, самообладанию и дисциплине сердца, избытку сил, дающему привилегию жизни в риске, как показателю великого здоровья. Именно о состоянии болезненного одиночества, когда человек влеком знаком вопроса, который ставится опасным любопытством, переворачивающим все ценности, Ницше пишет: «Одиночество окружает и оцепляет его, становится все грознее, удушливей, томительней, эта ужасная богиня и mater saeva cupidinum — но кто еще знает нынче, что такое одиночество?..» ((Свирепая мать страстей — лат.). Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 234—235.)

Так мы подошли к другому слову, играющему роль второго ключа к пониманию ницшевой парадоксальной экзистенциалистики. Это слово — болезнь. Многоликая Болезнь (один список всех недугов, мучивших Ницше всю его жизнь, вполне может составить некий «справочник практического врача») присутствует в произведении Ницше как парадоксально перевернутая эстетическая фигура — то болезнь — необходимая первая фаза одиночества (болезнь роста творческой личности), то подлинная болезнь — это «вера в болезнь» (Ницше Ф. Переоценка всего ценного // Ницше Ф. Странник и его тень. М., 1994. С. 308.) (не столько вера в лекарства-панацеи, сколько вера в недуги). Ницше со скрытым горьким сарказмом благодарит Болезнь за огромное влияние на жизнь (невозможность воинской службы, разрушение карьеры) и характер творчества — в перерывах между приступами хворей (вулканическая манера письма, афористичный и бессылочный стиль). Болезнь закалила Ницше, обострила его экзистенциальную чувствительность, восприимчивость к скрытым токам, пронизывающим человеческое бытие. Оказавшись в тотальном одиночестве, больной Ницше черпал силы в титаническом напряжении борьбы во все стороны, причудливом сочетании болезни-мощи, превращенной в Принцип. Не оставляющая его Болезнь заставляет так часто обманывать ее, читателя и самого себя своеобразным аутотренингом (наделение боли именем и название ее «собакой», получая тем самым некоторую власть над болью (Ницше Ф. Веселая наука. // Ницше Ф. Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 643—644.)), парадоксальными «гомеопатическими» рецептами: прописывать себе само здоровье в малых дозах; «лучшее средство для больного — немножечко поубавить и затем прибавит здоровья» (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. С. 236; Ницше Ф. Переоценка всего ценного. С. 393.).

Ницше анализирует собственные «меланхолические» мысли, приходящие к нему при осмыслении того факта, что смерть есть «близкое будущее», ожидающее людей. Ницше сравнивает смерть с ненасытным океаном, уверенным в своей добыче. Ему доставляет истинное удовольствие и радость констатировать, что несмотря на то, что смерть проявляется как «единственная достоверность и общность», смерть, тем не менее, не имеет почти никакой власти над людьми, не чувствующими себя «братьями во смерти», и вообще не желающими думать о смерти. При этом Ницше категорически отвергает все попытки лишить человека «права на смерть», препятствовать само-

убийству, полагая, что такой запрет — это жестокость. Ницше отвращает именно лишение индивидуума возможности проявить собственную волю, личного права человека. Решимость умереть сосуществует с верой в личное бессмертие, которую Ницше относит к разряду самых высокомерных и смелых мыслей, и которая, хотя и является «пороком мудрецов» (будучи высокомерием), но вместе с тем и выступает побудительным мотивом творчества, осуществления истины. Но личное бессмертие видится Ницше в контурах концепции «вечного возвращения» как испытание этой, моей жизни еще множество раз, в соответствии с исходными индивидуально-витальными посылами ницшевского мироощущения.

Эта концепция, поначалу имеющая исходный контур идеи мирового круговорота, содержит мысль о «большом годе становления», возвращении всего — и Сириуса, и паука, и «твоих мыслей», и выражается символически как вечный бег колеса бытия, переворачивание песочных часов. Эта концепция впоследствии перестраивается Ницше в мифологизированный образ ворот с надписью «Мгновение», за которыми лежит вечность, и дороги, убегающей назад — по этой дороге можно пройти еще раз, поскольку все вещи взаимосвязаны... В идее о колесе бытия видится параллель с индуистской концепцией сансары — колеса земных превращений. Думается, что Ницше, не удовлетворенный бесстрастностью античной идеи круговорота и отягощенностью концепции сансары грузом земного наказания, кардинально изменяет исходные основания и нравственную оболочку концепции «вечного возвращения». Вечное возвращение означает у Ницше трансформацию силового, энергетического (волевого) потенциала. Болезнь/Смерть задает смысл через цепочку неизбежных состояний: напряжение сил — противостояние — агония. Ницше стремился превратить болезненное энергетическое напряжение, сопровождаемое неугасимым жаром, в очистительный огонь, выжигающий всю скверну, дарующий перерождение, новые силы, прорыв в чертоги Иного, Инобытия, где выковывается Другое Я, знаменитый ницшевский Сверхчеловек. Поэтому лейтмотивом в трудах Ф. Ницше звучат словосочетания «огонь», «перековка», «очищение от окалины», «философствование молотом».

Сверхчеловек не может обитать в разреженной атмосфере умопостигаемых высших понятий — трансценденталий. Сверхчеловек, как саламандра, как феникс, живет только в огне, среди гылающих углей, которые он никогда не устанет раздувать (парафраз мистической идеи Мейстера Эркхарта о божественной искре в человеческой душе). Сверхчеловек формируется через экстатическое эффективное преодоление косности, предвосхищение угрозы окостенения, превращения в мертвый камень через самозакаливание себя на манер булатного клинка. «Ковка себя» предстает как процесс, в котором человек сам себя «выковывает», очищает себя от окалины, выйдя на мгновение из себя, совершая насилие над собой («философствование молотом») ради высшей цели — Сверхчеловека. Человек становится сильным, острым и опасным как клинок только через краткий миг ковкости, податливости в собственных руках... Но в ситуации с самим Ницше, скорее всего, горячий жар принимался им за огонь переплавки, и

история его жизни/болезни подтверждает, что эти вспышки творчества были подобны яркому накаливанию лампочки перед ее перегоранием...

В борьбе с одиночеством, с собственной телесностью, с болезнью и смертью, и одновременно, с современной культурой (которая есть «лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом» (Ницше Ф. Злая мудрость // Ницше Ф. Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 767.)), культами, моралью, религией, Ницше использует метод, который можно обозначить как удвоение (умножение) собственного Я — в противовес раздвоению — непреодолимому разрыву единого Я на «частичных» двойников, поработавших это Я. Ницше замечает, что даже с самыми абстрактными мыслями человек склонен обращаться как с личностями, с которыми необходимо бороться, родниться, оберегать, лелеять. Творения человека становятся его «Я», человек и страшится своих собственных мыслей, и при этом чтит в них самого себя. Так формируется «интеллектуальная совесть» (Ницше Ф. Смешанные мнения И изречения // Ницше Ф. Странник и его тень?. М., 1994. С. 158—159.). Ницше констатирует, что человек разделяет свое существо и приносит в жертву одной его части другую часть, например, любя свою мысль, свое желание, свое создание. Когда человек говорит «я люблю (презираю) себя», то я и себя — «две разные личности» (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: М., Т. 1. С. 276—277; Ницше Ф. Посмертные афоризмы. С. 374).

В одном из обращений Ницше к интересной теме его творчества — отношениям Странника и его Тени, «темного спутника», проблема удвоения и раздвоения воплощается в разговоре Странника и его Тени. Тень, признавая, что люди часто видят свои тени спутниками человека, но никогда — его рабами, тем не менее, предлагает стать рабой Странника ценой полного познания человека. На что Странник отвечает отказом, так как не знает дальнейшего развития отношений — опасаясь превращения Тени во властительницу или же в рабу, презирающую своего господина. У Ницше мы находим: «Если хочешь быть особой, то нужно охранять честь и свои тени» (Ницше Ф. Смешанные мнения и изречения. С. 174.). Тень может и покинуть своего спутника, и даже остаться существовать после его смерти...

Третья книга «Веселой науки» открывается многозначительным фрагментом: «Новые схватки. После того как Будда умер, в течение столетий показывали его тень в одной пещере — чудовищную страшную тень. Бог мертв: но такова природа людей, что еще тысячелетиями, возможно, будут существовать пещеры, в которых показывают его тень. — И мы — мы должны победить еще и

его тень» (Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 582.). Можно допустить — хотя Ницше нигде не говорит о таком понимании своего излюбленного тезиса о Великом Полудне, полуденной философии — что он призывает эту пору еще и потому, что это — время исчезновения всех теней...

Ницше признает, что каждый человек должен оцениваться лишь по состоянию, когда он обретает свое высшее Я. И если одни люди — «лицедеи самих себя», а другие — бояться своего высшего Я и готовы отречься от него, то сам Ницше полагает, что высшее Я — это не «дар богов», а есть сам человек. Однако, это высшее Я для Ницше уже не предстает традиционным центром, стягивающим все периферийные части субъекта в единый узел. Ницше избирает принципиальную иную стратегию экзистирования Я в изменившихся культурных условиях, открыв тем самым новую веху в истории западноевропейской философии, культуры и ментальности в целом.

Эта стратегия разворачивается в новой феноменологической топике, которая исходит из принципиального отсутствия различия «верха» и «низа» (Ницше отстаивает способность человека сопротивляться гравитации — человеку «постоянно хочется падать — вверх» (Ницше Ф. Злая мудрость / Ницше Ф. Соч.: М., 1990. Т. 1. С. 746.)), «внутреннего» и «внешнего». Ницше утверждает наличие постоянно становящейся картины взаимоотношения мира опыта и мира вещей в себе, дискретность «воли к власти», благодаря которой каждый «центр силы» конструирует весь остальной мир. Стратегия Ницше выстраивается не как прежде — вокруг безапелляционно-центрального Я, а в феноменологической топике, в которой аннигилирована иерархия субъект-объектных отношений немецкой классической философии. Центристский бег классической философии сменился центробежными тенденциями, бегством от центра. Принципиальное тяготение к маргиналиям философского анализа объясняется процессом ширящейся децентрализации внутренней структуры человека, поиском смысловых опор именно на периферии культурного сознания, ментального пространства, науки, социума — обозначенной самим Ницше как сфера преступного.

Фридриха Ницше по праву можно назвать «Персеем постклассической философии», который, раздробив свое Я на множество двойников, смотрит в бездну Ничто и остается неуязвимым, используя двойников как зеркальные щиты. Ницше надеется на то, что эта множественность Я является умножением сильных сторон «прошлого-первого» Я, и таким образом, этими персонафикаторами идеальных, манифестируемых черт Я заселится новая топика грядущего Сверхчеловека.